

© 2008 г.

Е. Ю. Басаргина

ПРОЕКТЫ СОЗДАНИЯ РУССКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ЗА РУБЕЖОМ

Начиная с середины XIX в. для западноевропейских стран становится престижным иметь свои научные учреждения в главных центрах классической археологии – в Афинах и Риме. Почти все эти страны открыли здесь свои археологические институты, которые занимались изучением древностей Греции, Малой Азии и Италии, организовывали раскопки и экспедиции, описывали древние памятники.

В России тоже ощущалась потребность в учреждениях, где могла бы протекать живая научная работа на местах. В сферу научных интересов российских ученых помимо Афин и Рима входили Иерусалим и Стамбул (Константинополь).

На VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г. развернулась дискуссия о том, в каком городе в первую очередь следует создать русский археологический институт: в Афинах, Риме или Константинополе. Известный классик В.И. Модестов внес проект учреждения Археологического института в Риме и Афинах¹. Посол в Константинополе А.И. Нелидов, его помощник П.Б. Мансуров и византист Ф.И. Успенский доказывали, что должно быть отдано предпочтение Константинополю. В результате состоявшейся дискуссии было решено создать институт в Константинополе: за проектом стояли прежде всего русские национальные интересы на Востоке и Балканском полуострове.

В обсуждении проекта Русского археологического института в Константинополе (РАИК) участвовали видные ученые. В конце концов изучение памятников античной Греции и христианского Востока были объявлены основными задачами института. 23 мая 1894 г. устав института и штат, предусматривающий двух сотрудников, директора и ученого секретаря, были утверждены Александром III².

За 20 лет своей деятельности (1894–1914 гг.) под руководством бессменного директора, академика Ф.И. Успенского институт выполнил комплексную программу изучения наиболее выдающихся памятников Константинополя, Малой Азии, Афона, Палестины и Сирии. Самым внушительным предприятием института явилось открытие столицы первого Болгарского царства – Плиски. Результаты исследований печатались на страницах журнала «Известия Русского археологического института в Константинополе» (всего вышло 16 томов). За короткое время журнал приобрел статус международного органа по византиноведению и славяноведению.

Благодаря работам института в Болгарии, Македонии и Сербии окреп его международный авторитет, расширились научные контакты со славянскими учеными, что поз-

¹ Модестов В.И. Об открытии Русского археологического института в Риме с отделением в Афинах // Труды VIII Археологического съезда в Москве, 1890 г. Т. III. М., 1897. С. 303–306.

² Подробнее об институте см. Παπουλίδης Κ.Κ., Το Ρωσικό Αρχαιολογικό Ινστιτούτο Κωνσταντινουπόλεως (1894–1914). Θεσσαλονίκη, 1984; Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.

волило директору в 1911 г. организовать при институте особое Славянское отделение, главной задачей которого являлось изучение Балканского полуострова, однако отделение не успело из-за балканских и Первой мировой войн развернуть свою работу в полную силу.

Большой интерес института к изучению славянских древностей был вызван тем, что славянские страны были в то время плохо изучены в археологическом отношении: при выборе приоритетного направления исследований далеко не последнюю роль играли задачи русской политики на Востоке, а также то обстоятельство, что институт именно в этой области не имел конкуренции со стороны европейских ученых.

Своеобразным научным центром был музей института, который вырос из скромного кабинета древностей³. Вместе с институтом создавалась его научная библиотека, число томов в ней постепенно достигло 22 622 в 8909 названиях. При содействии РАИК Россия приобрела несколько уникальных памятников: Пальмирский тариф (Гос. Эрмитаж), пурпурный Сармисахлыийский кодекс VI в., содержащий текст Священного писания, получивший название *Codex purpureus Petropolitanus* (греч. 537; Российская национальная библиотека), мраморную статую Христа – Доброго пастыря, датируемую современными исследователями приблизительно V веком и выставленную в постоянной экспозиции Гос. Эрмитажа.

Первая мировая война прервала деятельность РАИК: 16 октября 1914 г. произошел разрыв дипломатических отношений России с Турцией. Институт был эвакуирован из Стамбула за одни сутки, а большая часть его имущества – библиотека и коллекции – секвестрирована. Вопрос о возвращении имущества института был решен только в 1929 г.

По уставу зоной деятельности РАИК являлась не только территория Оттоманской империи, но и Греция с ее обильным материалом для изучения как классических, так и христианских древностей. Однако в Греции и на островах Средиземноморья сотрудники института занимались исключительно христианскими древностями. Занятия же классической археологией не вошли в число приоритетных тем института, что привело к фактическому его отказу открыть в Афинах свой филиал, хотя в 1901 г. для этого представилась реальная возможность.

Мысль о создании археологического института в Афинах уже витала в воздухе. Первая попытка открыть здесь – по примеру других стран – русское археологическое учреждение была сделана в 1879 г. русским посланником в Афинах П.А. Сабуровым. Министр народного просвещения Д.А. Толстой обратился к директору петербургского Историко-филологического института К.В. Кедрову с просьбой высказать свои соображения по вопросу учреждения русского археологического института в Афинах. Однако Кедров заявил, что при всей привлекательности этой идеи спешить с открытием института не следует, с одной стороны, потому что это «потребовало бы отвращения от наших высших учебных заведений нескольких ученых, занимающихся классической филологией, которыми мы вообще не богаты, а с другой стороны, вызвало бы разном значительные расходы на дело, успешная будущность которого не была бы достаточно обеспечена»⁴.

На первое время Кедров предлагал ограничиться командированием в Грецию хотя бы на два года двух молодых людей из бывших студентов института или университета. Таким образом, открытие археологического института в Афинах было бы на некоторое время отсрочено, но зато «было бы положено начало для постоянного приготовления нужных для него ученых»⁵. Толстой согласился с мнением Кедрова и отклонил проект Сабурова как преждевременный⁶.

³ Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки / Под ред. В.С. Шандровской. СПб., 1994.

⁴ РГИА СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1195. Л. 1а.

⁵ Там же. Л. 2–2 об.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 673. Л. 5–5 об.

В мае 1880 г. в Грецию был командирован Ф.Ф. Соколов, который подготовил там почву для занятий стипендиатов, а уже в июне из Санкт-Петербурга в Афины отправились его любимые ученики В.В. Латышев и В.К. Эрнштедт. Главными предметами занятий стипендиатов были эпиграфика и изучение греческих древностей. По словам А.В. Никитского, Латышев во время командировки в 1880–1882 годах своей деятельностью почти «...заложил нужный фундамент для русского археологического института в Афинах»⁷. Впоследствии другие университеты России стали посылать в Грецию своих воспитанников. Не имея в этой стране собственной научной базы, русские ученые всегда находили радушный прием и научную помощь в стенах Немецкого археологического института и Французской археологической школы в Афинах.

Российские дипломаты считали такое положение ненормальным, их беспокоила как зависимость наших стипендиатов от иностранных институтов, так и вообще отстраненность русской науки от участия в международном археологическом движении. Памятуя о том, что при создании РАИК было высказано настойчивое пожелание, чтобы со временем был создан аналогичный институт в Афинах, в 1900 г. российский посланник в Афинах М.К. Ону предложил РАИК сделать первый шаг в этом направлении и открыть в Афинах свое отделение. Ону был убежден в том, что с открытием отделения удастся поставить подготовку молодых русских археологов на международный уровень и сделать их полноценными членами археологического сообщества⁸.

Сначала Ф.И. Успенский благосклонно отнесся к этому проекту, полагая, что появление в Афинах филиала РАИК укрепит авторитет этого учреждения в ученном мире. Проект Ону сразу нашел поддержку в Министерстве народного просвещения, а также в Министерстве иностранных дел, которое согласилось выдавать ежегодно по 1000 руб. на содержание отделения. Вопрос об открытии института казался почти решенным. Ону хотел поставить дело на широкую ногу и мечтал построить для русского института в Афинах благоустроенный дом. Благодаря его предприимчивой дипломатии король Греции подарил России участок земли в Афинах. Деньги, и немалые – 12 тыс. руб., необходимые для строительства здания института, Ону надеялся собрать пожертвованиями, однако в 1901 г. дипломат умер, не успев завершить свое благородное предприятие. После его смерти приток денег фактически прекратился.

Как ни заманчивы были перспективы открытия отделения РАИК в Афинах, этому проекту не суждено было осуществиться, хотя преемники Ону Р.Р. Розен и Ю.Н. Щербачев высказывались за безотлагательное официальное открытие отделения, пусть даже в съемном доме, тем более что арендную плату за помещение с лихвой покрывали выделенные правительством 1000 руб.⁹ Но новые условия показались Успенскому невыгодными, и он отказался открыть отделение РАИК в Афинах, сославшись на то, что это будет «искусственным расширением задач Института»¹⁰.

В 1904 г. Академия наук вмешалась в обсуждение этого вопроса и выразила пожелание передать ежегодное пособие РАИК на археологические экспедиции в Греции. С этим не согласился Щербачев и просил обратить пособие на увеличение средств для постройки здания в Афинах. По распоряжению Николая II пособие за пять лет было присоединено к тем 7 тыс. руб., которые успел собрать Ону, что и составило необходимую сумму – 12 тыс. руб. На запрос МИД, направленный в Афинскую миссию в 1908 г., о том, когда же, наконец, будет начато строительство дома для института, Щербачев ответил, что смета Ону оказалась слишком мала ввиду повышения цен и курса драхмы, и от строительства дома пришлось отказаться.

⁷ *Никитский А.В.* Василий Васильевич Латышев: 1855–1921 / Подг. к печати и предисл. В.П. Яйленко // ВДИ. 1972. № 4. С. 186.

⁸ ПФА РАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об.

⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 143. Д. 378. Л. 52–53.

¹⁰ Там же. Л. 67.

Вновь вопрос об институте был поднят в 1909 г. В.Н. Бенешевичем в Классическом отделении Императорского Русского археологического общества (РАО)¹¹. Специальная комиссия в составе В.Н. Бенешевича, С.А. Жебелёва, М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского подготовила проект устава института. Проект предполагал учреждение Русского археологического института в Афинах на правительственные деньги с целью подготовки ученых-археологов, преподавателей древних языков, богословов и т.д. Между прочим в нем специально оговаривалось, что институт в Афинах должен быть «самостоятельным учреждением, не зависящим от Русского археологического института в Константинополе»¹². Общее собрание РАО почти единодушно высказалось за учреждение института, возражал только Я.И. Смирнов, считавший проект несвоевременным.

Посланник России в Афинах С.Н. Свербеев, получив в декабре 1910 г. сведения об этом проекте, высказался о возможности его осуществления весьма осторожно: «Дело учреждения Русского археологического института в Афинах встретило бы с моей стороны самое горячее сочувствие только в том случае, если бы я имел уверенность, что предприятие это будет осуществлено в соответствии с достоинством России, т.е. на тех же широких началах, на которых оно уже выполнено здесь прочими великими державами»¹³.

Русское археологическое общество просило Академию наук возбудить перед министром народного просвещения ходатайство об учреждении Русского археологического института в Афинах. Комиссия в составе П.В. Никитина, В.В. Латышева, А.С. Лаппо-Данилевского и Н.Я. Марра предложила обществу сделать хотя бы приблизительный расчет средств, необходимых для устройства института¹⁴. Начавшаяся Первая мировая война помешала осуществить этот проект.

В отличие от проекта института в Афинах план создания института в Риме благодаря содействию Академии наук был частично реализован, хотя инициатива опять исходила от дипломатов, а именно, от министра-резидента при папе Римском А.П. Извольского. Начать хлопоты его побудила обида за русских ученых, которым, по его словам, «приходилось обращаться за содействием к иностранным представителям, просить у них, как милости, особого разрешения для права работы в их библиотеках и выслушивать при этом обидные для русского намеки, почему же до сих пор не существует соответствующих русских учреждений»¹⁵.

В 1895 г. Извольский обратился к министру иностранных дел А.Б. Лобанову-Ростовскому с планом создания в Риме постоянного русского ученого учреждения. Министр передал проект на рассмотрение Академии наук. В ноябре 1895 г. Историко-филологическое отделение высказалось за создание в Риме ученой комиссии «наподобие института, учрежденного в Константинополе»¹⁶. Предвидя неизбежные трудности при обсужде-

¹¹ Протоколы заседаний Отделения археологии древне-классической, византийской и западноевропейской за 1909 год // Записки Классического отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1910. Т. 6. С. 202 (заседание 3 октября 1909 г.); 204 (заседание 19 декабря 1909 г.).

¹² РА ИИМК РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 331. Л. 21: «Докладная записка Классическому отделению РАО по выработке предположений об основании Русского археологического института в Афинах» и материалы для устава института.

¹³ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Имп. Академии наук. [СПб., 1912]. Заседание 22 февраля 1912 г., § 89 и Приложение 1: Письмо Императорского Российского посланника в Афинах С.Н. Свербеева на имя помощника председателя Императорского Русского археологического общества графа И.И. Толстого по вопросу об учреждении Русского археологического института в Афинах.

¹⁴ Там же. Заседание 2 мая 1912 г., § 196.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1898. Д. 24. Л. 1: «Об учреждении в Риме ученой архивной комиссии и должности ученого корреспондента при Историко-филологическом отделении».

¹⁶ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Имп. Академии наук. [СПб., 1896]. Заседание 17 января 1896 г., § 9.

нии в правительственных кругах проекта нового гуманитарного учреждения за границей, члены отделения предложили на первое время ограничиться командированием в Рим своего ученого-корреспондента, которому предстояло подготовить почву для создания института, который в проекте скромно именовался «постоянной комиссией» и должен был состоять из трех сотрудников.

В 1896 г. Министерство финансов отказалось удовлетворить ходатайство Академии наук ввиду роста государственных расходов. Академики вновь и вновь возобновляли свое ходатайство и каждый раз называли проектируемое учреждение по-новому: в 1898 г. – архивной комиссией в Риме, в 1901 г. – историко-архивным институтом. Однако какое бы наименование они ни давали будущему учреждению, из министерства приходил отказ, и обсуждение проекта откладывалось до более благоприятных в финансовом отношении времен.

Наконец в начале 1902 г. министр народного просвещения П.С. Ванновский сообщил о том, что министр финансов С.Ю. Витте предложил учредить в Риме должность ученого секретаря. По мнению министра, ученый, избранный Академией на эту должность, мог бы подготовить почву для будущего института, взяв под опеку молодых ученых, командируемых министерством и университетами в Рим.

Обсуждением этого предложения занялась особая комиссия, в которую вошли филологи-классики П.В. Никитин, В.В. Латышев и В.К. Эрнштедт, а также специалист по русской истории А.С. Лаппо-Данилевский и востоковед, непреременный секретарь Академии С.Ф. Ольденбург¹⁷. Согласившись с предложением Витте, они все-таки настаивали на учреждении постоянного органа в виде особой комиссии, секретарем которой и был бы будущий представитель Историко-филологического отделения в Италии. Лаппо-Данилевский сумел убедить своих коллег в том, что работа будущего ученого секретаря Исторической комиссии, или корреспондента, как его называли в отделении, принесет отделению больше пользы, если будет иметь археографический характер и поначалу ограничится вопросами византийской и русской истории¹⁸.

23 декабря 1902 г. по высочайше утвержденному мнению Государственного совета учреждалась «с 1 января 1903 года, при Историко-филологическом отделении Императорской Академии наук, замещаемая по избранию названного отделения на пять лет, должность ученого-корреспондента в Риме для разработки хранящихся в итальянских архивах материалов по истории России»¹⁹.

В 1903 г. отделение наконец образовало Постоянную историческую комиссию, которая выработала инструкцию ученому-корреспонденту, а в дальнейшем направляла его деятельность и научные работы по определенному плану²⁰. Душой комиссии стал инициатор ее создания Лаппо-Данилевский²¹. Ученым-корреспондентом Историко-филологического отделения в Риме был избран Е.Ф. Шмурло (1853–1934), ординарный профессор по кафедре русской истории Юрьевского университета, в течение многих лет целенаправленно занимавшийся в Ватиканском архиве изучением иностранных источников по истории России. В 1911 г. Шмурло был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду историко-политических наук.

Академия наук поставила ученому-корреспонденту следующие задачи: 1) обследование архивов и библиотек и опись важнейших их фондов, касающихся русской истории; 2) научное издание найденных документов. Издания предполагалось вести параллельными сериями: «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований,

¹⁷ Там же. Заседание 9 января 1902 г., § 3.

¹⁸ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. Серия: Новейшая русская история: исследования и документы. Т. 7. С. 170–171.

¹⁹ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Имп. Академии наук. [СПб., 1903]. Заседание 15 января 1903 г., § 3.

²⁰ Там же. Заседание 29 января 1903 г., § 27.

²¹ В 1926 г. Постоянная историческая комиссия слилась с Археографической комиссией и получила название «Историко-археографическая комиссия».

касающихся сношений России с Италией» и «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией». В первой серии Шмурло подготовил и издал три тома в шести выпусках; четвертый том, работу над которым он начал в 1914 г., был издан в 1927 г. под редакцией С.Ф. Платонова. Во второй серии подготовленный им первый выпуск был издан в Ленинграде в 1925 г.²²

Приход в 1906 г. на должность министра иностранных дел Извольского, оказавшего в свое время поддержку проекту учреждения должности ученого-корреспондента в Риме, казалось, мог подать некоторую надежду на положительное решение вопроса о создании института с широкими научными задачами, в котором изучению древнеримских памятников было бы отведено достойное место. После назначения Н.В. Чарыкова товарищем министра иностранных дел позиции сторонников этого проекта еще более усилились. Однако сочувствие планам создания института со стороны дипломатов ничего не изменило. Вновь Шмурло вернулся к этому вопросу в 1917 г., но безрезультатно²³.

В начале декабря 1917 г. Российская академия наук получила извещение о том, что С.С. Абамелек-Лазарев, умерший 19 сентября 1917 г., завещал свою римскую «виллу Абамелек» Петербургской академии художеств, а в случае ее отказа вилла переходила Академии наук для создания Исторического института, носящего имя Абамелек-Лазарева²⁴. Воля завещателя была нарушена, но «вилла Абамелек» не была потеряна для России, в ней расположилось советское (ныне российское) посольство. В 1924 г. должность ученого-корреспондента в Риме была упразднена²⁵. Ученый-корреспондент Шмурло переехал в Прагу, где продолжил научную деятельность во главе организованного им в 1925 г. Русского исторического общества.

Планам создания в Риме русского исторического института не суждено было осуществиться отчасти вследствие внешних причин, отчасти вследствие того, что Шмурло, с головой ушедшему в архивные поиски, недоставало той напористости и неиссякаемой энергии, столь выгодно отличавших директора Русского археологического института в Константинополе академика Ф.И. Успенского. В результате деятельность Постоянной исторической комиссии не вышла за рамки издательских программ.

Во время Первой мировой войны русские ученые приняли участие в обсуждении фантастических планов восстановления по окончании войны православной империи на развалинах Османской державы²⁶. Частью этого грандиозного замысла был проект Русского археологического института в Иерусалиме.

В начале ноября 1914 г. по инициативе депутата Государственной Думы Е.П. Ковалевского несколько членов Академии наук и профессоров Петроградского университета учредили Частное совещание по вопросу о русских научных интересах в Палестине²⁷. Его члены занялись обсуждением юридических условий деятельности русского научного учреждения в Палестине и его форм. Совещание выработало проект создания русского научного учреждения по палестиноведению, состоящего из двух частей: Института в Иерусалиме для историко-археологического изучения Палестины и прилежащих

²² Шмурло Е.Ф. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1907; Т. 1. Вып. 2. СПб., 1908; Т. 2. Вып. 1. СПб., 1911; Т. 3. Вып. 1. СПб., 1911; Т. 3. Вып. 2. Пг., 1915; Т. 4. Л., 1927; Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. 1. Вып. 1. Л., 1925.

²³ Протоколы заседаний Отделения истории и филологии РАН. [Пг., 1917]. Заседание 4 октября 1917 г., § 324 и Приложение 2.

²⁴ Протоколы заседаний Общего собрания РАН. Пг., 1917. Заседание 2 декабря 1917 г. С. 292–293, 299, (313 и Приложение 1: Выписка из духовного завещания С.С. Абамелек-Лазарева.

²⁵ Там же. Пг., 1924. Заседание 6 декабря 1924 г. С. 62–63, § 228.

²⁶ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 361–389.

²⁷ В работе Совещания приняли участие В.В. Бартольд, В.Н. Бенешевич, А.А. Дмитриевский, Е.П. Ковалевский, Н.П. Кондаков, И.Ю. Крачковский, Н.Я. Марр, М.И. Ростовцев, Я.И. Смирнов, Б.А. Тураев, Ф.И. Успенский, В.В. Латышев.

стран и Комитета по палестиноведению в Петрограде для издания печатных трудов и «создания соответствующей ученой среды, из которой могли бы вербоваться работники для изучения Палестины»²⁸. В конце 1914 г. предварительные результаты работы Совещания были оформлены в виде записки «Русские научные интересы в Палестине и прилегающих областях»²⁹.

Дальнейшее детальное обсуждение положений проекта проходило в 1915 г. в более широком кругу специалистов. В центре обсуждения стоял вопрос о том, к какому учреждению сможет присоединиться будущий Комитет по палестиноведению: к Академии наук или к Палестинскому обществу. Мнения участников Совещания по этому вопросу разделились. Большинство голосов было решено сначала обратиться в Палестинское общество. Через три месяца был получен ответ Палестинского общества: Комитет палестиноведения должен был перейти в административное подчинение совету Палестинского общества³⁰.

Тогда члены Совещания обратились к содействию Академии наук³¹. Специально созданная академическая комиссия³² признала желательным создать при Академии наук Палестинский комитет, главной задачей которого было бы учреждение научного историко-археологического института в Палестине³³. По настоянию членов Физико-математического отделения в программе будущего института были представлены и естественноисторические дисциплины. 18 мая 1915 г. комиссия собралась вновь и подготовила доклад для Общего собрания с проектом Палестинского комитета при ИАН. Однако вследствие военных событий обсуждение проекта было отложено.

Общее собрание вернулось к рассмотрению этого проекта только 4 марта 1917 г. Накануне собрания, 6 февраля, прошло совместное заседание академической комиссии и Частного совещания. На нем неперемный секретарь академик С.Ф. Ольденбург представил «Проект положения о Палестинском комитете при Императорской Академии наук», согласно которому «при Академии наук учреждается “Палестинский комитет” для изучения Палестины и сопредельных с ней стран»³⁴. Отступление от первоначального проекта, предполагавшего сосуществование двух параллельных учреждений, комитета в Петрограде и института в Палестине, Ольденбург объяснял тем, что задачей комитета является «обсуждение вопроса во всей его полноте и подготовка создания института, для чего в данный момент вряд ли имеются достаточные научные силы»³⁵. Проект был поддержан членами Частного совещания и утвержден Общим собранием РАН 4 марта 1917 г.³⁶ Однако дальнейшие политические события перечеркнули все планы.

Новая надежда на осуществление старых планов Академии наук появилась в 1919 г., когда после вынужденного перерыва мало-помалу начали восстанавливаться междуна-

²⁸ Совещание по Палестине. 26 ноября 1914 г. [СПб., 1914.] С. 1.

²⁹ Переизд.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2000. С. 339–349.

³⁰ Комитет палестиноведения (Проект положения) // Россия в Святой Земле. С. 361–362; Русский историко-археологический институт в Иерусалиме (Проект положения) // Там же. С. 362–366.

³¹ Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Имп. Академии наук. [Пг., 1915]. Заседание 2 мая 1915 г. С. 73, 80–91, § 81 и Приложение 1: Русские научные интересы в Палестине и прилегающих областях. Докладчик Е.П. Ковалевский.

³² Комиссия в составе В.И. Вернадского, Н.И. Андрусова, Н.П. Кондакова, Ф.И. Успенского, П.К. Коковцова и Н.Я. Марра.

³³ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1–1915. Д. 34. Л. 59. Протокол заседания комиссии по вопросу об исследовании Палестины от 7 мая 1915 г.

³⁴ Протокол совместного заседания комиссии, избранной Императорской Академией наук по вопросу об исследовании Палестины, и членов Частного совещания по вопросу о русских научных интересах в Палестине 6 февраля 1917 г. // Известия АН. 1917. № 9. С. 603–605.

³⁵ Там же.

³⁶ Россия в Святой Земле. С. 366–367.

родные связи³⁷. Высказывая свои соображения «о некоторых желательных преобразованиях строя Российской Академии наук» в ответ на упреки Наркомпроса о сравнительно узкой сфере ее влияния, Академия предложила организовать широкую сеть научных представительств за рубежом и оказывать поддержку молодым русским ученым за границей, одновременно знакомить другие страны с Россией, ее производительными силами и научной работой³⁸.

Более детальной разработкой этого проекта занялось Особое совещание³⁹, которое признало целесообразным образовать в крупных центрах мировой культуры так называемые общие институты, которые могли бы охватить все отрасли научного знания. Совещание наметило девять таких центров: Лондон, Париж, Берлин, Каир, Вашингтон, Буэнос-Айрес, Мадрас, Пекин и Сидней. Таким образом, русские институты должны были появиться в главных государствах Западной Европы, а также в Северной и Южной Америке, в Африке, Азии и Австралии.

Наряду с общими институтами совещание допускало существование специальных научно-исследовательских институтов, в том числе Русского культурно-исторического института в Риме. Объединить деятельность всех заграничных институтов должен был Особый постоянный комитет при Российской академии наук⁴⁰. Однако и этим грандиозным планам не суждено было осуществиться.

В 1918 г. С.А. Жебелёв среди неотложных задач русской археологической науки назвал «основание в одном из европейских центров – на первых порах желательнее и целесообразнее всего в Риме – учено-археологического, наподобие заграничных, русского археологического и художественно-исторического института, в котором русские ученые имели бы возможность в общении с западноевропейскими коллегами усовершенствовать свои занятия, каждый по предмету своей специальности»⁴¹. Слова Жебелёва не утратили своей актуальности и сегодня.

Таким образом, из пяти проектов создания за границей институтов для изучения древних памятников в полном объеме был осуществлен только один. Однако учреждением Русского археологического института в Константинополе преследовались не только научные, но и политические цели. Институт во многом содействовал усилению русского политического влияния на Востоке. Как бы то ни было, 20-летняя успешная деятельность института, во главе которого стоял Ф.И. Успенский, позволила зародиться широким замыслом создания целой сети научно-исследовательских институтов за границей. Планы основания русских археологических институтов в Афинах, Риме и Иеру-

³⁷ В предреволюционные годы был частично осуществлен другой «международный» проект – создание исследовательских институтов на началах взаимности: в Петрограде был образован Французский институт (1911–1919 гг.). В начале октября 1917 г. в Академии наук обсуждался проект М.И. Ростовцева о создании Русского института в Париже по аналогии с Французским институтом в Петербурге с целью упрочить культурное общение с государством-союзником. Этот проект был частью большой программы создания в Европе сети заграничных институтов на более широких началах. Однако эти планы не осуществились (см. Скифский роман / Под общей ред. акад. РАН Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 464–466).

³⁸ Протоколы заседаний Общего собрания РАН. Пг., 1919. Экстраординарное заседание 30 июля 1919 г. С. 128, 130–134, (174 и Приложение). Соображения о некоторых желательных преобразованиях строя Российской Академии наук.

³⁹ В него вошли от Академии наук: С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Успенский, Н.Я. Марр, В.А. Стеклов, Н.С. Курнаков, А.Е. Ферсман; от Академии истории материальной культуры: Ф.А. Браун, А.А. Васильев, С.А. Жебелёв, С.С. Лукьянов, А.А. Миллер, К.К. Романов и от Российского института истории искусств: В.П. Зубов, Н.Э. Радлов, В.Н. Ракинт, Д.А. Шмидт, С.К. Булич, С.М. Ляпунов (Там же. Пг., 1920. Заседание 3 апреля 1920 г. С. 34–35, (52–53)).

⁴⁰ Там же. Заседание 4 сентября 1920 г. С. 62. (107; С. 70–72. Приложение 3: «Положение о русских научных институтах за границей»; С. 73–78: Объяснительная записка к проекту Положения о русских научных институтах за границей).

⁴¹ Жебелёв С.А. Археология и общая история искусства / Подг. текста, публ. и комм. И.В. Тункиной // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антикведеско-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 2007. С. 169.

салиме были реализованы лишь частично, а именно: учреждением должности ученого-корреспондента Историко-филологического отделения Академии наук в Риме. Создание и курирование отечественных гуманитарных учреждений за границей стало новой функцией Академии наук на рубеже XIX–XX вв. План организации за рубежом широкой сети институтов, в том числе для изучения памятников древности, предложенный Академией наук в 1919 г., принадлежал скорее к области научной фантастики.

PROJECTS OF RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL INSTITUTES ABROAD

Ye. Yu. Basargina

The author tells about five projects aimed at founding Russian archaeological institutes in Istanbul (Constantinople), Athens, Rome, Jerusalem and world's greatest capitals in the late 18th – early 20th century. She shows that of all those projects initiated by Russian scholars, diplomats and politicians only one was realized, namely the Russian Archaeological Institute in Constantinople which existed in 1894–1914 and greatly contributed to the study of ancient and Christian history on the Balkan Peninsula and in Asia Minor. WWI and the Bolshevik revolution put an end to this institute and frustrated the projects concerning the foundation of similar institutes in Athens, Rome and Jerusalem. In the author's opinion, the project to create a network of research institutions abroad put forward by the Russian Academy of Sciences in 1919 could only be unrealistic under the circumstances.